

Религия как нравственная основа наказания

Аннотация: Религия опирается на традиции и обычаи, то есть на опыт сотен поколений, придает ее нормам сакральный характер и тем самым, как правило, превращает их в жестокий стандарт поведения, в обязательный для всех стереотип.

Идея Божьего наказания фундаментально повлияла на уголовно-правовое представление о наказании, хотя оно и создавалось на основе не только многовековых религиозных, но и национальных исторических, психологических, социальных особенностей каждого народа. Рассматривая вопрос о путях воздействия религии, религиозных источников, религиозного права, учений и идей на институт нравственных начал наказания, следует подчеркнуть, что это воздействие осуществлялось как прямым, так и косвенным способом.

Ключевые слова: религия; наказание; обычаи и традиции; уголовный закон; общество; государство; нравственность.

Обычаи и традиции всегда освящались религией, обретали обязательную силу, узаконивались всеми религиями. Непререкаемость обычая поддерживалась также языческой религией первобытного человека, по суеверным представлениям которого «тень убитого до тех пор не может найти покоя, пока убийца не будет умерщвлен» [1, с. 15]. Поэтому можно согласиться с утверждением о том, что религия опирается на традиции и

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

обычай, то есть на опыт сотен поколений, придает ее нормам сакральный характер и тем самым, как правило, превращает их в жестокий стандарт поведения, в обязательный для всех стереотип. Поэтому религия, берущая на себя роль пастыря народа, обязана заботиться о своей пастве и приучать народ к жесткому нормативному стандарту повседневного поведения, к тем немногочисленным, но чрезвычайно важным принципам жизни, без постоянного соблюдения которых человек легко может превратиться в животное [6, с. 4].

Тексты Божественных Посланий свидетельствуют, что нравственные нормы сливаются с религией и получают Божественную санкцию в эпоху распада бесклассового общества и формирования государства. Подобные санкции были крайне необходимы для поддержания нравственного авторитета родовой знати.

Таким образом, религия, овладев умами, превращается в огромную силу и оказывает колоссальное воздействие на человека и общество, историю и культуру, быт и нравы. Естественно, она не только влияет на характер наказания и его исполнение, но и имеет право на его применение. В.Г. Графский совершенно прав, утверждая, что «религия оказала серьезное влияние на институт уголовного наказания, ибо уже в первобытном обществе наказания были тесно связаны с религиозными дозволениями и запретами» [2, с. 41].

Как уже отмечалось, было время, когда преступление являлось личным оскорблением, а ответная реакция на это рассматривалась как грубая и ничем не сдержанная месть, которая соответствовала и одобрялась нравами того времени. Когда же преступление стало рассматриваться как оскорбление Божества, вот тогда наказание стало примирением с Богом, очищением от греха, искуплением вины. С этого времени *нравственной основой* наказания стали выступать уже не обычаи и традиции, а *религия*. В соответствии с библейским видением картины зарождения и последующего развития

уголовного наказания термин «наказание» своими корнями восходит к Божьей Заповеди «смертью умрешь», а Книга Бытия является древнейшим ветхозаветным источником понятия наказания. Поэтому, без сомнения, своими истоками учение о наказании уходит в религию, и первые попытки определения сути и основания этого явления мы находим именно в религиозных верованиях и источниках. Изучая Библию, Коран — великие и уникальные в человеческой истории Книги-Писания, — мы находим пласты идей, выражающие суть воззрений древнего человека на жизнь и смерть, убийство и преступление, кару и смертную казнь.

Самые древние уголовные законы (законы Хаммурапи, Ману и др.) зафиксировали, по существу, в качестве наказания те деяния, которые уже давно существовали в жизни и вызывали реакцию общества. Поэтому можно констатировать, что эти законы фактически лишь в письменном виде установили наказания, которые уже давным-давно применялись за убийство или воровство как опасные для сообщества деяния.

Г. Мейн пишет: «Нет буквально ни одной системы писаного права, от Китая до Перу, которая при первоначальном возникновении не включала бы в себя суммы религиозно-нравственных предписаний и ритуальных правил. О Римском праве думали, что в нем светская и понтификальная юриспруденции с древней эпохи были совершенно обособлены. Но то немногое, что дошло до нас от законов Двенадцати Таблиц, содержит в себе немало такого, что может быть отнесено именно к религиозному ритуалу» [4, с. 4]. При этом речь идет не только о признанных Божественных Посланиях, но и о религиозных учениях и идеях, без уяснения и понимания сущности и содержания которых практически невозможно глубоко понять значимость института наказания в жизни каждого народа и его нравственные начала. Можно утверждать, что идея Божьего наказания фундаментально повлияла на уголовно-правовое представление о наказании, хотя оно и создавалось на основе не только многовековых религиозных, но и национальных

исторических, психологических, социальных особенностей каждого народа. Рассматривая вопрос о путях воздействия религии, религиозных источников, религиозного права, учений и идей на институт нравственных начал наказания, следует подчеркнуть, что это воздействие осуществлялось как прямым, так и косвенным способом.

Совершенно ясно одно: сомнений в полезности и благотворном действии наказания на нравственное совершенствование человека у древних людей не было. И это находило различное выражение в религиозных системах. Так, например, в конфуцианском трактате «Шу-цзин» («Книга историй») говорится: «В своем желании упорядочить жизнь людей *Небо* позволяет нам применять наказания».

Индуизм и наказание. Согласно древнеиндийской религиозной традиции человек очищается наказанием, возвращается к праведной жизни после духовного падения, греха. *Очищение и спасение* - вот два религиозных столпа, на которых зиждется понятие наказания в человеческом мире.

Следовательно, наказать — значит очистить человека от греховной скверны, спасти его душу от гибели. Как видим, наказание в данном случае служит, скорее, средством воспитания, а не устрашения, то есть оно оказывает некарательное воздействие на человека и имеет не столько социальную, сколько спасительную роль. А из этого следует, что понятие наказания у индусов проникнуто *религиозно-нравственным смыслом, началом*.

Основная цель - сила творения и чистая душа. И эта цель достигается через наказание, путем внушения человеку-преступнику благоговения перед великой творческой энергией, создающей порядок. Однако, как известно, наказание реально невозможно без устрашения, страдания, боли, материальных потерь, которые ощущают конкретные люди, совершившие тот или иной поступок. По представлениям древних индусов, все это по сравнению с духовной целью слишком незначительно и мелко, ибо наказание

- всего лишь средство к очищению и спасению. Именно к такому выводу можно прийти после знакомства с древнейшими юридическими текстами древнеиндийского памятника «Нарада», а также книг Ману¹ и Вишну², происхождение которых, несомненно, связано с влиянием религиозных верований.

Книги Ману и Вишну называются книгами законов главным образом потому, что содержат в себе правила поведения, определенные с величайшей точностью. Но какова ответственность? Какое наказание постигнет человека, не повинующегося этим правилам? Иначе говоря, какова санкция в этих законах? Основаны ли они на нравственных началах?

Именно в характере наказаний можно увидеть религиозно-нравственное содержание этих юридических трактатов. Суть наказания принадлежит к совершенно другой области бытия - *покаянию*, то есть человек должен карать себя здесь для того, чтобы не подвергнуться худшему в другой жизни. Например, он обязан три раза броситься в огонь или идти в битву и сделать из себя мишень для врагов. Все зависит от того, какое им совершено преступление. За тяжкое преступление полагалось себя сжечь, то есть эти законы давали возможность самим преступникам-грешникам исполнять предусмотренное в них наказание, в том числе смертную казнь³.

Однако следует отметить, что вопрос о покаянии всегда был спорным. «Человек в этом мире, - пишет Сиддхартха Гаутама, - оскверняет себя дурными поступками, каковы: принесение жертвы людьми, не достойными совершать жертвоприношения, употребление запрещенной пищи, высказывание того, чего не следует говорить, пренебрежение относительно предписанного, совершение запретных деяний. Они (то есть браминские авторитеты) сомневаются, должен ли он совершать покаяния за такие

¹ Вильям Джонс относит появление книг Ману к 1280 г. до Р.Х.

² В так называемом кодексе Вишну сказано, что он был продиктован одним из лиц индусской Троицы Богинь Земли.

³ Кстати, во время Второй мировой войны в СССР из осужденных были образованы штрафные батальоны, которые отправляли на передовую, чтобы они смогли «смыть свои грехи» перед родиной.

действия или нет. Одни объявляют, что не должен, ибо само деяние не уничтожается. Но наиболее выдающееся мнение гласит, что он должен подвергнуться покаянию».

Религиозный характер сущности (основ) наказания в законах Ману и Вишну подтверждает следующий текст: «Боги суть невидимые божества, брамины же суть видимые божества.

Брамины поддерживают мир. Только благодаря им боги пребывают на небесах». Таким образом, получается, что, хотя наказание идет от Бога, которого невозможно увидеть, именно браминам вручены были ключи от наказаний.

Ну а как быть, если преступление совершит сам брамин? Тексты этих законов подтверждают их особый статус, ибо «телесному наказанию брамина подвергать нельзя; высшей мерой наказания для него является открытое оглашение совершенного им преступления, изгнание или клеймение». Брамин является объектом посягательства особой важности. Например, если кем-либо будет убит брамин, то сколько пылинок окрасится его кровью на знойной почве Индии, столько же тысячелетних периодов должен убийца провести в аду (Ману, XI.20).

Роль и значение браминов определяются также тем, что, хотя царю приписано Божественное происхождение, тем не менее, он вправе назначать наказание только с совета браминов. «Справедливое наказание не может быть наложено невежественным и алчным царем, не имеющим мудрых и добродетельных помощников царя, разум которого не воспитан, а сердце предано чувствительности. Только царь чистый сердцем, верный данному слову, строго исполняющий влияние Священного писания, исполненный здравого разума и поддерживаемый руководством добрых советников, только такой царь может определить наказание по всей справедливости» (Ману, XVII, XXX.31). Придание особого значения принципу справедливости в данном тексте говорит о нравственных основах института

наказания. Представляется, что союз между браминами, как видимыми божествами на земле, и царями можно считать началом образования светского уголовного законодательства. У каждого из них были свои интересы. Царь был призван оказывать помощь браминам, которые взамен того придавали священный характер его власти.

Г. Мейн в связи с этим замечает: «Нечто аналогичное могло повториться и в правовой истории Западной Европы, если бы канонистам удалось одержать верх над цивилистами.

Система, которая была бы предложена ими, отдала бы, по всей вероятности, предпочтение покаянию перед уголовным наказанием» [4, с. 33].

Законы Ману и Вишну практический смысл института наказания видят в защите честных и слабых людей от преступников и тех, кто сильнее. В основе этого положения заключена религиозно-нравственная идея, рассматривающая наказание не только как сильнейшее средство восстановления Божественной гармонии, нарушенной в результате преступления, но и как осуществление основ справедливости. «Наказание правит всеми людьми, наказание же охраняет; наказание бодрствует, когда все спят; мудрые объявили наказание воплощением дхармы... Если бы царь не налагал неустанно наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле» (законы Ману).

Как видим, наказание, в особенности лишение жизни, понимается как могучее средство, необходимое для поддержания порядка, справедливости и спокойствия. Но за счет каких качеств наказание обладает такой силой? Разумеется, что, только имея свойства устрашения, наказание может выполнять эти функции. Поэтому индуизм абсолютно был убежден в нравственности наказания как устрашения. Относительно наказаний в будущей загробной жизни человека индусские верования предусматривали, что переселение души имеет такое же важное значение, как прямые награды и

наказания, которые во всех своих формах признаются не вечными, а временными по своему существу. Станет ли человек в будущей жизни растением, пресмыкающимся, птицей, женщиной, брамином, мудрецом, зависит от него самого, от того, как он себя ведет в этой жизни: если человек в этой реальной жизни не смыл с себя пятна надлежащим покаянием, то он будет одной из самых низких тварей; если же он умер чистым, то может достигнуть высшей ступени человечности. Поэтому только путем устрашения возможно направить людей на совершение хороших поступков в этой земной жизни, хотя угроза направлена на будущее и наступит в другой жизни.

Закон Вишну, в частности, гласит: «Преступники высшей категории переселяются преемственно из одного растения в другое, проходя все виды растительного царства. Виновные в смертном грехе переселяются в тела червей и насекомых. Лица, совершившие меньшие поступки, переселяются в тела птиц. Преступники четвертой категории обращаются в водных животных. Те, которые совершили преступление, ведущее к изгнанию из касты, переселяются в тела земноводных» (Вишну, X-VI. 2).

Итак, индусские священные законы, несомненно, оказали огромное влияние на историю развития учения о наказании, которое было основано на нравственных принципах этого народа.

Буддизм⁴ и наказание. Чтобы уяснить влияние буддизма на нравственные начала института наказания, необходимо понять суть этого учения. Буддистская этика - учение, раскрывающее суть праведной жизни, - является сердцевиной буддизма. Ее цель - сделать поведение человека более совершенным, добиваться гармонии в отношениях с самим собой и с другими. Будда является родоначальником одной из мировых религий, и

⁴ Слово «будда» означает «просветленный», «пробужденный» и является нарицательным именем человека, достигшего наивысшей мудрости. Сиддхартха Гаутама (Шакьямуни) – не первый будда и не последний. Тем не менее Будда стало его собственным именем. Учение называется буддизмом в двух смыслах: потому, что оно основано Буддой, и потому, что оно учит, как стать буддой.

культурное освоение его образа продолжается в течение двух с половиной тысяч лет.

Важнейшая истина Будды: вся жизнь есть страдание, духкха. В ней нет ничего, кроме мук; жизнь совершенно ужасна. Все рождается и гибнет в бессмысленном круговороте перемен; безусловных ценностей не бывает. Тем не менее, освободиться от духкхы (страданий) можно. Для этого нужно вести жизнь, исполненную состраданием и чуткостью, воздерживаясь от всего, что отравляет, дурманит или затуманивает разум.

Будда не верил, что боги могут принести человечеству ощутимую пользу, хотя Он и не отвергал богов, полагая, что Высшая реальность нирваны превосходит их. В буддизме нирвана (угасание) означает то же, что в других реалиях - Бог.

Он призывал учеников искать спасения своими силами, не полагаться на богов. Поэтому для буддизма характерна тенденция к ограничению роли и масштабов наказания, так как это средство не способствует совершенствованию человеческой сущности. Преступление, по буддизму, - болезнь, учение - лекарство, Будда - врач. Следовательно, бороться с преступными проявлениями следует не наказанием, а учением Будды, которое важнейшей целью уголовной политики считает не наказание человека, а его исправление и перевоспитание, возвращение преступников в лоно буддистских духовных и этических ценностей. «Мой закон есть закон милости для всех» (Будда).

Будда говорил: «Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти - поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству... Кто добрым делом искупает сделанное зло, тот освещает этот мир, как луна, освобожденная от облаков... Неделание зла, достижение добра, очищение своего ума - вот учение просветительных...» [3, с. 191]. Как видим, по сравнению с другими мировыми религиями буддизм выделяется более высоким гуманизмом и нравственностью. Но как это отражается на

институте наказания? Влияние буддизма на уголовное наказание в странах, исповедующих эту религию в силу особенностей историко-политического развития государств, различно. В раннем периоде государственности и правовой системы в этих странах превалировали религиозные нормы, а порой они даже заменяли нормы уголовного права, то есть отношение человека к наказанию основывалось на разработанном Буддой подробном восьмиступенчатом пути, методе достижения истины и приближения к нирване.

Поэтому поведение человека регулировалось не существованием наказания, а заключалось в соблюдении буддистами восьми правил (ступеней, состояний), которые не определены в каком-либо письменном источнике. Они воспринимаются буддистами как «некие обычаи», передаваемые из поколения в поколение. Соблюдая указанные правила, человек достигает высшей формы жизни, в том числе непричинения боли другим, воздержания от дурных поступков, преступлений. Следовательно, для таких людей существование наказания смысла не имеет, ибо они соблюдают эти правила не в силу боязни перед наказанием, а в результате постижения истины о необходимости правильного поступка в образе жизни.

В отличие от Запада народы Дальнего Востока не склонны и сейчас верить в наказание как средство обеспечения порядка и справедливости. Они уверены, что не уголовное наказание должно обеспечить справедливость, а, напротив, традиции при их строгом соблюдении могут вызвать к жизни справедливый порядок вещей и отношений. Поэтому хотя наказание и существует, однако оно играет незначительную роль в правилах поведения людей. По мнению китайцев, например, добропорядочный гражданин не должен думать и бояться наказания. Его образ жизни должен исключить любое поведение, караемое наказанием. В Японии издревле руководствовались известным конфуцианским принципом: «Народ не должен знать законов, но лишь подчиняться им». Иными словами, неизвестность и неизбежность

грядущего наказания сильнее удерживают от совершения преступления, чем само наказание.

Если на Западе, да и в других странах, к наказанию относятся как к опоре социального строя, важному средству охраны общества от посягательств на его ценности, то народы Дальнего Востока исходят из того, что порядок должен охраняться не принуждением посредством наказания, а преимущественно методами убеждения, самокритичными оценками поведения, духом умеренности и согласия. Но почему же тогда в этих странах существует наказание, в том числе и смертная казнь? Ведь это противоречит буддизму, отличающемуся более высоким уровнем нравственности.

Будда говорит: «Непричинение вреда живому». Весь Дальний Восток традиционно придерживается формулы: «Право хорошо для варваров». Иначе говоря, «уголовное наказание необходимо только для недобропорядочных людей». Исходя из этого, в частности, традиционная китайская концепция уголовной политики не отрицает наказания, но полагает, что оно для «варваров», для тех, кто не думает о нравственности и морали, для неисправимых, закоренелых преступников, для иностранцев, которые далеки от учения Будды или не признают его. Ван Цзофу считает, что ядром китайской традиционной законодательной концепции является Син (наказание), которое развивалось в Древнем Китае в рамках конфуцианства, маоизма и легизма. Китай можно называть конфуцианским с таким же правом и основанием, с каким Европу называют христианской, а арабский мир — мусульманским. Конфуций оказал сильнейшее влияние на духовную жизнь китайцев. Две с половиной тысячи лет он является духовным наставником, учителем не только китайской нации, но и других дальневосточных народов, воплощением их культурной самобытности. И сегодня каждый образованный китаец знает его учение и воспринимает его как жизненную установку.

С точки зрения Конфуция, во взаимоотношении нравственности и уголовной политики приоритет принадлежит нравственности, хотя, разумеется, он не отрицал ни роль законности, ни роль наказания в жизнедеятельности общества и государства. Однако великий философ был твердо убежден, что уголовная политика в области наказания, в особенности смертной казни, должна покоиться на прочном фундаменте нравственности. Такой вывод основывается на следующем высказывании Конфуция: «Если наставлять народ путем введения правления, основанного на законе, и поддерживать порядок угрозой наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится чувства стыда. Если наставлять народ путем введения правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем использования Правил, то в народе появится чувство стыда и он исправится».

В отличие от Индии и Древнего Египта, где наказание рассматривалось как справедливое возмездие за совершенное преступление, в Китае оно выступает в качестве средства поддержания порядка в государстве для сохранения государственной власти по принципу: «Лучше наказать несколько невинных, чем пропустить одного злодея». Поэтому неудивительно, что в действующем УК КНР содержится 69 составов преступлений, наказываемых смертной казнью. За отмену этого наказания выступает всего 0,78 %, против - 99 %.

М.А. Павлова отмечает, что «в рамках буддизма в Древнем Востоке земное наказание не отделялось от посмертного наказания; они представляли собой единое целое и взаимодополняли друг друга. В Древнем Китае упор делался на другую сторону наказания, а именно как на инструмент государственной власти, необходимый для обеспечения правопорядка» [5, с. 3].

Следует отметить, что свод монгольских законов 1640 г. (Свод ойрат) также имел религиозное начало, поскольку из текста вводной части Великого уложения следует, что собравшиеся представители знати монгольских

народов поклоняются Очир Дара Ламе, а текст свода законов основан на учении Ша-кьямуни и Дзонхавы - «отшельника из племени шакьев», - основателя буддизма⁵.

Иудаизм и учение о наказании. В истории найдется не так много народов, которые, подобно евреям, тщательно сохраняли, сохраняют и творчески приумножают свои традиции.

Иудейское учение о понятии и образовании наказания, связанное с религией, уходит корнями в глубокую древность и представляет собой сложную систему, развивавшуюся на протяжении значительного промежутка времени. Традиционно считается, что Десять заповедей, или Декалог, - древнейшие из еврейских законов, где можно встретить наказание, - были получены Моисеем от Бога на горе Сион примерно в XV в. до н. э., за 480 лет до начала строительства Храма Соломона.

Изначально именно эти законы назывались «Тора», что и означает «Закон». Поэтому именно их и следует считать основными источниками сведений о религиозных наказаниях, ибо для иудея любое наказание, назначенное судом, будет всего лишь одним из вариантов Божественного воздействия.

Моисей заложил не только религиозные, но и нравственные основы законодательства. Если провозглашенная им религиозность покоится на единобожии, то нравственность - на любви к своему народу. Без сомнения, можно утверждать, что нравственные начала института наказания по принципу «око за око, зуб за зуб», предусмотренные в законодательстве Моисея, являются первыми по времени. Моисей понимал, что главное - государственное устройство, создание политического пространства для становления и развития народа. А для этого следует делать ставку не на свободу духа, не на совесть человека, а на принудительную силу, жесткие и суровые меры наказания, принцип равного возмездия.

⁵ Будда родился в 623 г. до н.э. в Индии

В основе Десяти заповедей - Закона Моисея и его центральной части, Декалога, — лежат правила поведения (правила веры и правила жизни) только запретного характера. Эти общие религиозно-нравственно-юридические принципы - своего рода философия Моисеева законодательства, которая отождествляет справедливость с равным возмездием. Поэтому справедливость предполагает оценку человека по поступкам, воздаяние по заслугам, для чего требуется, по крайней мере, две вещи: критерии (правило, шаблон) для измерения поступков и лицо, которому поручается (доверяется) эта работа по измерению.

При этом обращает на себя внимание отсутствие в Декалоге наказаний как таковых. Получается, что соблюдение норм в Декалоге носит добровольный, сознательный характер. Почему же все-таки нет наказаний? Скорее всего, это можно объяснить тем, что Декалог выступает в роли конституции, которая провозглашает наиболее важные социальные ценности и излагает общие положения, поэтому в ней нет и санкций. Они предусмотрены и называются в остальной части законодательства Моисея, то есть в книгах: Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Надо отметить, что наиболее обстоятельно законодательство Моисея регламентирует наказание за нарушение половых отношений. В религии евреев наказание рассматривается, в первую очередь, как наказание Богом за прегрешения и нарушение заповедей. Поэтому Законы Моисея как основа наказания - это в значительной мере законодательство предупредительно-устрашительного плана. Следовательно, наказание следует рассматривать как изначально установленное Богом средство воздействия на созданное им человеческое существо, которое может произвести удручающее впечатление своей жестокостью. Однако следует учитывать, что общественное сознание еврейского народа того времени было вполне адаптировано к установлению строгих мер.

Условия жизни и стремление к выживанию и сохранению народов требовали именно такого наказания, которое установлено Богом и принято еврейским народом. Наказание, по Закону Моисея, отражало потребности и представления о нравственности и справедливости евреев. Мотивом правопослушного поведения является страх наказания. «Страх наказания - мотив намного сильнее, чем жажда награды» (Сефер Ха Сидил). «Бог не наказывает без предупреждения» (Носе б. Галафта - Толмуд Санхедрин, 56б).

В то же время наказание, по законодательству Моисея, - это вразумление, которое несет в себе доброту, сострадание и излечение, создает условия, предупреждающие совершение нового преступления. Суть наказания в иудаизме - возмездие.

Таким образом, можно утверждать, что Кодекс Моисея и наказания человека, предусмотренные в нем, основаны на нравственных началах.

Христианство и наказание. В учении Иисуса Христа была поставлена точка в вопросе о человеческой мести и наказании как возмездии: христианство более определенно и последовательно, чем иудаизм, отказывает людям в праве вершить месть и возмездие (наказание), закрепляет это право за Богом и только за ним по принципу «наказание с любовью», который означает, что Бог наказывает нас потому, что любит людей. Иисус вовсе не отрицает, что Бог суров. Он говорит, что если Бог является суровым, то только потому, что он является любящим. Бога делает Богом именно любовь, милосердие. «Итак, будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36).

Для Бога каждый христианин - свой, Он - Отец наш, а мы все - братья и сестры, члены единой, связанной духовными узами, семьи. «Наказание Господне, сын мой, не отвергай и не тяготись обличением его; ибо, кого любит Господь, того и наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Притчи Соломоновы, 23, 13-14).

Одним словом, христианское этическое требование было иным, чем иудейское, - «отвечай на зло добром», «не старайся побеждать злым злом», «не противься злему». Соответственно, суть наказания должна была быть другой. Именно в вопросе о сущности наказания, и в первую очередь смертной казни, наблюдается противоречие между иудаизмом и христианством. Иисус многократно, в разных ситуациях говорит о своем отношении к Закону Моисея. Наиболее полно и конкретно он формулирует его в Нагорной проповеди, в частности в пятой главе (стихи 21-48) Евангелия от Матфея: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38-39).

В принципе, наказание даже в виде смертной казни Евангелием не отвергается. Разумеется, проведение его в государственной жизни отличается от евангельского отношения к виновному настолько же, насколько различны задачи и условия деятельности государства и церкви. Моисеев закон создан был суровой жизнью и, естественно, должен был к ней приспособиться. А христианская мораль рисует лишь идеалы, к которым все должны стремиться, но которых никто не достигает. Призыв Христа: «Не судите, да не судимы будете!» в то время был обращен, скорее всего, не к населению, не к широким массам, а к отдельным людям. Поэтому Иисус имел в виду не суд в значении правосудия, а свойственные людям пересуды житейские, бытовые, человеческие.

Ислам и наказание. Ценность Корана заключается в том, что Аллах заложил в это Священное Послание религиозные, нравственные и законодательные основы исторического развития мусульманского мира. Провозглашенная Им религиозность покоится на единобожии, нравственность - на любви к людям, независимо от национальной и религиозной принадлежности, законодательство - на принципе

справедливого воздаяния. Аллах, человечество, справедливость - так кратко можно было бы обозначить суть Корана.

Как определенная основа ислама и мусульманского права Коран - это в значительной мере законодательство охранительного плана, устанавливающее запреты и наказание за их нарушение. В этом смысле оно роднится с уголовным законом, а значит, заслуживает исследования и в современном уголовно-правовом аспекте. Правила шариата являются основой для появления соответствующих уголовных наказаний. Коран, Сунна⁶, Иджма⁷ источники мусульманского института наказания.

Если в этих источниках отсутствуют соответствующие предписания относительно наказания и его применения за те или иные деяния, то применяется «Кияс», то есть рассуждения в области права по аналогии. Нравственность в Коране не систематизирована в виде определенного кодекса, не сведена к обозримой совокупности общих принципов. Однако есть понятия, обобщающие конкретные нравственные отношения и добродетели: справедливость, милосердие, совесть, мудрость и т. д. Нравственные начала наказания в Коране непосредственно вытекают из этих принципов. Так же как Декалог и Нагорная проповедь, Коран признает справедливость наказания, то есть равное воздаяние, прямо ссылаясь на Моисеев Закон.

Коран выражает ту истину, что добро заключает в себе награду, а зло - наказание. Следовательно, оставаясь в рамках этики и логики, невозможно помыслить себе, чтобы за зло воздавалось не злом, то есть добром. Талион, который существовал ранее, по Корану, является как бы средством борьбы против насилия - он сужает насилие. Поэтому талион оправдан как ограничение насилия между людьми, то есть это не самоцель. Именно за отступление от требования «не убивай» предусмотрена в виде наказания смертная казнь по принципу «отвечать убийством за убийство». Поэтому

⁶ Сунна – сборник адатов, традиций, касающихся действий и высказываний пророка Мухаммеда.

⁷ Иджма – заключение древних правоведов, знатоков ислама.

Коран не столько предписывает возмездие за убийство, сколько принимает его как правовую реальность, с целью ограничения насилия между людьми: «Кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех» (5:35).

Нельзя забывать, что Коран обусловлен временем и обычаями народа, среди которого он возник, что отразилось на конкретном материале и формулировках нравственных норм. По содержанию Корана можно судить о нравственном уровне арабов того времени, о прошлом этого народа, об их обычаях и традициях. Наказание, по Корану, естественно, не могло не соответствовать этим нравам. В то же время оно было направлено на борьбу с отжившими обычаями и традициями. Поэтому необходимы были наказания, но уже основанные на новых нравственных началах.

Коран предусматривает не только применение конкретных наказаний к конкретному преступнику, но и моральное и психологическое устрашение, заключающееся в формировании атмосферы страха, угрызений совести, неотвратимости наказания, которое дифференцируется в зависимости от тяжести содеянного, умышленного или неосторожного совершения преступления.

Достаточно большое внимание уделяет Коран покаянию как предшественнику наказания. Во многих аятах Корана Аллах велел раскаиваться, похвалил раскаивающихся и поведал об их вознаграждении. «Что же касается тех, которые вершили злые деяния, а потом раскаялись и уверовали, то, воистину, твой Господь (даже) после (совершения) их - прощающий, милосердный» (Коран. Сура 7 «Преграды», аят 153). Раскаяние (то есть осознание своих грехов, принятие искреннего решения больше их не совершать и просьба к Аллаху о прощении) есть основное проявление веры, хотя оно никого не освобождает от ответственности за совершенное преступление. Право прощения принадлежит, по Корану, только Аллаху, который отвечал тем, кто к нему обратился с раскаянием: «Я поражаю

своим наказанием того, кого захочу, а Моя милость распространяется на все сущее» (Коран. Сура 7 «Преграды», аят 156).

Раскаяние у искренне верующих в Аллаха - это обычно не столько страх перед наказанием уголовным, сколько боязнь перед Богом и сожаление о совершенном преступлении. Кстати, о покаянии как основе прощения, милосердия очень четко и прекрасно сказано также во многих местах Евангелия. «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6:14-15). Иисус Христос сказал: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (Иоан. 8:3-7).

Представители других религий, особенно на Западе, нередко задаются вопросом: почему ислам предусматривает жесткие наказания, частое применение смертной казни? Во-первых, наказание в Коране по своей сути такое же, как и в законодательстве Моисея и Библии: *возмездие*. Достаточно указать на применение наказания в средневековой Европе. Во-вторых, как известно, нравственная норма может легко трансформироваться в правовую, что наиболее выражено в мусульманском праве, основанном на Коране. Такая динамика является особенностью исламского правосудия.

Однако следует заметить, что при всей кажущейся разнице христианства и ислама обе религии сурово осуждают любые проявления несправедливости. Обе религии учат людей быть справедливыми и всячески противостоять любой несправедливости, в том числе, если речь идет о судебном решении. «О те, которые уверовали! Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость, если даже свидетельство будет против вас самих или против близких родственников» (Коран. Сура 4 «Женщины», аят 135).

Необходимо подчеркнуть, что Коран призывает быть беспристрастным, указывая именно на это качество в человеке как основу справедливости. «И

пусть ваша ненависть к кому-либо не ведет вас к пристрастию. Будьте привержены к справедливости, ибо она ближе к богобоязненности» (Коран. Сура 5 «Трапеза», аят 8). Как видим, Божественное Послание пристрастие рассматривает как отступление от справедливости. В Коране есть специальный аят относительно судебных решений: «Если же станешь выносить судебное решение, то суди их по справедливости. Воистину, Аллах любит справедливых» (Коран. Сура 5 «Трапеза», аят 42). «(Мы провозгласили) О Давуд! Воистину, мы назначили тебя (своим) наместником на земле. Так суди же среди людей по справедливости и не поддавайся чувствам, ибо они собьют тебя с пути Аллаха...» (Коран. Сура 38 «Сад», аят 26).

Вознаграждая и восхваляя людей за справедливые дела, Коран жестко предупреждает тех, кто совершает несправедливость в этой жизни на земле. «В день воскресения мы установили справедливые весы, и никто не вкусит несправедливости даже на вес горчичного зерна. Ибо никто другой не умеет считать (деяние), как умеем считать Мы!» (Коран. Сура 21 «Пророки», аят 47). И далее: «В тот день каждому человеку воздается то, что он обрел (деянием), и не будет несправедливости в тот день. Воистину, Аллах скор в расплате» (Коран. Сура 40 «Верующие», аяты 14-17).

Наказание понималось древними людьми как начало торжества справедливости. Что касается религии как нормативно-этической системы, то, безусловно, она образует основу и неисчерпаемый резерв развития уголовного права в целом и института наказания в частности. Нравственный уровень народов, естественно, не мог не оказывать воздействие на характер применяемого наказания на каждой стадии его исторического развития. Поэтому можно утверждать, что нравственная сущность наказания, в принципе, всегда соответствовала существующим нравам, развиваясь и меняясь с развитием и совершенствованием народов. А это означает, что нравственные начала наказания у народов с различным уровнем развития и

неодинаковыми по сути нравами были разными, ибо у них, помимо обычаев, традиций и религии, были разные культура, психология, характеры и их развитие шло неодинаковыми темпами и путями.

Библиография

1. Васильев Л.С. История религии Востока. М., 2006
2. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М., Норма, 2001
3. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: В 2 т. М., 2011. Т. 2
4. Мейн Г. Древний Закон и обычай. М., 2010
5. Павлова М.А. Возникновение идеи о наказании в догосударственном обществе и на Древнем Востоке//Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. М., 2007
6. Суд над смертною казнью / Под ред. М.Я. Кантона. М., Тип. А.П. Павловского, 1912.